

Источник: Дремов А. Безбожник пионер Родька / А. Дремов // Нева. — 1958. — № 10. — С. 212-215.

А. Дремов

БЕЗБОЖНИК ПИОНЕР РОДЬКА

Произведения В. Тендрякова отличаются острой конфликтностью. И очень важно, что талантливый писатель всматривается в людей пытливым и требовательным взором. Некоторые литераторы поступают иначе — они оседлали заезженные, надоевшие всем конфликты-шаблоны. Но тот, кто тесно связан с народной жизнью, — умеет видеть и изображать бурное и многотрудное развитие, созидающий характер советского общества. Этим прежде всего привлекает внимание читателей творчество В. Тендрякова.

В новой повести «Чудотворная»¹ говорится о борьбе против притупляющих сознание и волю человека, сковывающих его активность и энергию религиозных предрассудков и суеверий, гнездящихся еще кое-где по затхлым закоулкам жизни, Закрывать глаза на эти пережитки старого непростительно. Ведь церковники и сектанты пользуются промахами нашей воспитательной работы, проползают в образовавшиеся бреши и набрасывают свои липкие сети на неустойчивых людей. И человек заболевает религией, слепнет. Он уже перестает быть полноценным строителем коммунизма, ибо коммунизм строят революционеры, марксисты, надеющиеся не на волю божества, а на свой народ, на свою партию, на собственные разум и руки. Поэтому оберегать детей от губительного яда религии, бороться за чистоту души юноши или девушки, воспитывать их последовательными и бесстрашными атеистами — одна из важнейших задач работы с подрастающим поколением.

К сожалению, эта важная проблема писателями нашими обходится. Можно без преувеличения сказать, что современная художественная литература выключилась из непосредственной борьбы против религии. В. Тендряков смело ставит эту проблему в своей повести «Чудотворная».

Перед читателем развертывается цепь неожиданных, быстро меняющихся событий из жизни школьника пионера Родьки Гуляева. Во время рыбалки он нашел упавшую в ящик древнюю икону. Не думал, не гадал Родька, какую роль она сыграет, а то сразу же выбросил бы ее в ре-

ку. Мать, особенно бабка Авдотья, а за ними все святоши села Гумнищи узрели в происшедшем неопровержимое свидетельство святости не только «новоявленной» иконы, но и отрока, ибо на него «снизошла небесная благодать». Не так-то уж и много верующих, десяток-полтора, но когда все они, все самое темное, невежественное и убогое на деревне «навалилось» на одного подростка, нелегко ему пришлось. Лестью, подарками, внушением мысли о его избранничестве, наконец, прямым насилием — побоями и голодом стараются они затемнить ясную душу ребенка, заставить пионера поверить в боженьку. На помощь спешит «идеологическое подкрепление» в развешиваемой рясе — попик из соседнего села Загарье отец Дмитрий. Объединенные усилия «рабов тьмы», а в особенности полное посещение заброшенной церкви на Машкинском болоте чуть было не погубили пионера. И если бы не учительница Парасковья Петровна, еще неизвестно, удалось ли бы вырваться Родьке из лап деревенских святош. Учительница без малейших раздумий вступила в борьбу с отцом Дмитрием, попыталась воздействовать на мать и бабуку, обратилась в райком партии, а прежде всего в самом Родьке укрепила дух сопротивления. И Родька взбунтовался, изрубил икону в щепки. И хотя не выдержала чрезмерного напряжения еще хрупкая психика ребенка и он пытается утопиться, — бунт этот был победой пионера. Избитый и обесиленный, Родька, опираясь на крепкую материнскую руку учительницы, выстоял в страшном поединке с самим собой и обступившими его силами зла.

Если проследить на протяжении всего повествования внутреннюю борьбу Родьки, нельзя не убедиться, какие прочные морально-психологические задатки советского человека заложены в его сознании. Когда мальчик наткнулся на икону, в нем не шевельнулось ничего, наименее религиозное чувство. Только любопытство и даже пренебрежение к находке. «Такого добра у бабки целый угол», — думает он. Первая непосредственная реакция на объявление его избранником божьим также была самая отрицательная. Многого в начавшейся вокруг его персоны возне он, естественно, не понимал, но заявил: «Плевал я на бога вашего». Только под угрозой физической

¹ В. Тендряков. Чудотворная. Повесть. «Знамя» № 5, 1958 г.

Расправы Родька перекрестился и позволил надеть крестик. Правда, эта первая уступка все-таки внесла в душу мальчугана что-то болезненное, какую-то раздвоенность. Но и в этот момент и в дальнейшем, несмотря на усиленный нажим мракобесов, веры в нечто сверхъестественное, властвующее над человеком не появилось. Испуг и растерянность выпыхивают в Родьке только тогда, когда он и его спутники «собственными ушами» слышали страшное «пиление» купола в церкви. Не умея найти объяснения этому загадочному явлению, он лихорадочно думает: «Раз про церковь они не врут, значит, и про бога тоже...» Эта наивная логика впервые бросает его на колени перед иконами. «Привычный мир рухнул для Родьки. Надо было как-то по-новому жить, по-новому поступать», — пишет автор. Трудные мысли прогоняют сон, угнетают мальчика. Однако, как показывается в повести, смятение души Родьки было временным. Уж слишком велик, слишком ощутителен контраст между большим веселым миром, в котором жил Родька до этого, и темными углами, куда его тащат безногий Киндя, выживший из ума Казачок и все эти бабки — Домна да Секлетяя, Дарья да Жеребиха, Агния да Грачиха.

Родька нарисован писателем не только как жертва и даже главным образом не как жертва, а как стойкий пионер, сопротивляющийся обволакивающей его мороке. Чем дальше, тем больше ненавидит он «чудотворную» и облепших ее, как мухи, жалких и страшных богомольцев.

Появившаяся в «Учительской газете» 5 июня статья М. Шароновой называется «Святой отрок... пионер Родька». Думаю, что это название, интригующее читателя своей парадоксальной формой, крайне неудачно по существу. Оно, как и содержание статьи, не отражает основного идейного звучания книги. В том-то и дело, что все старания мракобесов не превратили пионера в «святого отрока». Испытание для мальчика было тяжким, но он показал себя настоящим безбожником, безбожником по сути своей натуры, воспитанной школой, советской системой образования, социалистическим коллективом. В необычной судьбе Родьки автор показал, в сущности, как уже говорилось, прочность и непреодолимость основ отношения к миру и поведения в нем, закладываемых в души наших ребят с детства.

Страницы, посвященные Парасковье Петровне, учительнице, читаешь с особенным волнением. Их много — скромных тружениц, истинных героинь на ниве народного просвещения; в своих суровых и добрых материнских руках они держат будущее идущих на смену поколений. И каждый, чье детство прошло в деревне, прочитав повесть, непременно вспомнит *свою* Парасковью Петровну. Очень достоверный и «физически ощутимый» образ создал писатель.

Много испытаний перенесла в жизни старая женщина. Но ничто не поколебало могучего духа ее. Только усилилась любовь к школе, к детям. Здесь сосредоточилось теперь все — и общественное, и личное,

и горести, и радости, и мечты. Давно, тридцать лет, трудится Парасковья Петровна в Гумнишах. Здесь не только каждый знает и уважает ее, но чуть не каждый был когда-то ее учеником. «Она прожила в колхозе с его зарождения до сегодняшнего дня. Жила не бок о бок, а внутри колхоза», — повествует автор.

Кровная связь учительницы с деревней чувствуется во всем. Думы и заботы хлеборобов — это и ее кровные заботы. Парасковья Петровна — своя, деревенская, немного грубоватая и прямолинейная, простецки одетая, умеющая поговорить с колхозниками об их бабьих делах — о ребятишках, о хозяйственных нуждах. Учительница — человек большой, неподкупной души, общественный деятель в самом благородном смысле слова. Она — пропагандист, борец за новое, необходимый человек на селе.

Все эти черты характера Парасковьи Петровны проявились и в борьбе за Родьку против загарьевского попа и его «христово воинства». Пе ахти какой полемист Парасковья Петровна, но поп, куда более изощренный в искусстве спора, боится слов учительницы, так как в них неодолимая сила — сила правды. Суровую отповеть дает она идейному противнику: «Покорность, ленивый ум и страх — этого вполне достаточно, чтобы сделать из человека духовного раба. Хотели вы или не хотели, а создавали духовно убогих людей, моральных уродов по нашему времени... Но как бы вы ни притворялись, как бы вы ни успокаивали себя, что ваше добро и ваша вера с нашей сладятся, все равно вы знаете: будущее грозит вам тленом и забвением. Не примите это как личную обиду».

Парасковья Петровна — взятый из самой жизни, любовно написанный типичный образ передовой советской учительницы старшего поколения, образ доброй, требовательной и преданной своим детям матери, несущей жизнь и свет людям.

Описанная в повести «Чудотворная» история имеет исключительный характер, столкновение доведено здесь до крайнего предела и приобрело трагическую окраску. В связи с этим приходилось уже слышать возражения. Но, во-первых, если идти даже от буквального правдоподобия, то можно вспомнить подобного рода происшествия и необычайнее родькиной истории. Совсем недавно, например, жители г. Горького прочитали в областной газете, что милиция в одной из деревень нашла... «святого отшельника». Он сидел в подвале одного дома после дезертирства из армии около 17 лет. Ему усердно поклонялась группа верующих, регулярно снабжая при этом продуктами, не забывая и водку, кою «святой» дезертир употреблял в немалых количествах. Это тоже, конечно, исключительный факт, но действительный, засвидетельствованный документами, которые опубликовала «Горьковская правда».

А самое главное — разве дело в буквальных совпадениях художественного описания с реальными фактами? Писатель — не фотограф, не хроникер. Правдиво, эмоционально, эстетически заостренно изображает

он то, что *могло* случиться в жизни, изображает закономерное.

Если литератор, не зная жизни или сознательно пренебрегая правдой, выдает за типическое свои досужие выдумки или односторонне подходит к жизни, то, независимо от того, пытается он прибегнуть к художественному заострению или не пытается, он творит не искусство, а ложь. И очернительная ложь и лакировочная ложь — все ложь, все антихудожественная мазня.

А если писатель, работающий на животрепещущем современном материале, стремится создать правдивую картину жизни, если он при этом правильно понимает основное направление развития, пафос нашей борьбы, то ему не страшно эстетическое заострение образа. Количественный признак не имеет здесь решающего значения. Конечно, типические факты чаще всего имеют массовое распространение, так как именно в них наиболее непосредственно и устойчиво воплощаются основные тенденции общественного развития. Но художник не боится выхватить из потока жизни, если это диктуется его замыслом, и редко встречающиеся явления — только-только нарождающиеся или, наоборот, отживающие. В них тоже выражаются закономерности переходного периода.

Понимая перспективы исторической борьбы нашей эпохи, анализируя всю совокупность жизненных явлений, художник «имеет право» не только показывать исключительные факты, но и давать им эстетически заостренную характеристику, ибо его предзнаменование в жизни — быть борцом и воспитателем, пропагандистом и агитатором.

Не понимая этого, некоторые критики, столкнувшись с непривычным по теме и идейному содержанию произведением, говорят: В. Тендряков повинен в том, что не показал крупным планом партийную организацию (в повести действительно даны лишь эпизодические фигуры заведующего отделом пропаганды и агитации райкома партии и председателя колхоза), не показал борьбу всего коллектива сельской интеллигенции, комсомольской организации против религии и т. д. Скажут иные, может быть, еще и так: активно отстаивает Родьку в сущности одна учительница, а против него — целая группа верующих со своим идеологом отцом Дмитрием и «командиром в юбке» бабкой Грачихой. Неправильна-де расстановка сил, не уравновешены надлежащим образом элементы положительные и элементы отрицательные.

Возможно, что общественные силы, противостоящие религиозному мракобесию, следовало показать несколько шире. Но именно *несколько* шире. Чрезмерные требования в этом отношении едва ли правомерны и полезны. И вот почему. Большие религией, тесно окружившие злополучного Родьку, вершат свое неразумное дело тайком. О свистопляске перед «чудотворной» и «избранником божьим» они не кричат на всех углих, не докладывают в правление колхоза. А сам Родька из чувства стыда и мальчишеского самолюбия долгое время таился даже от самых близких товарищей.

Тем самым, не сознавая, конечно, этого, он изолировал себя и обрек на непосильное для ребенка единоборство.

Таким образом, деревенский актив до поры до времени просто не знал, даже не догадывался о назревающей в семье Гуляевых трагедии.

На самом деле, представим себе село, каких у нас большинство, где есть крупная партийная организация, активно работают комсомольцы, есть большая школа, много культурно-просветительных учреждений. Здесь постоянно и серьезно ведется разнообразная воспитательная работа, при этом повседневное внимание уделяется и пропаганде основ материалистического миропонимания. Возможна ли была в таких условиях трагедия Родьки? Ясно, что нет.

Но есть ведь, встречаются еще и другие места, где политическое воспитание масс запущено, где никакой антирелигиозной пропагандой и не пахнет. Именно здесь и *именно по этой причине* активизируются церковники. В том-то и дело, что религиозным мракобесам удается добиваться успеха только тогда, когда коллектив по каким-то причинам упустил из виду человека и тот остался в одиночестве.

Вот тут-то недалеко и до таких драматических коллизий, которую честно и мужественно изобразил В. Тендряков.

Понимание жизни и художественный замысел диктовали писателю показать именно такую ситуацию. А поставь он Родьку в другие условия, и перед ним встала бы неразрешимая дилемма: либо написать неправду (так как повесть в этом случае неизбежно «говорила» бы о неуреоборимости религиозных пережитков, о тщетности нашей борьбы против них), либо «снять» трагедию Родьки, то есть *не написать* повесть «Чудотворная». Показав именно такую обстановку и такую «расстановку сил», В. Тендряков смог, не погрешив против правды, придать своему произведению боевой, мобилизующий характер не только в смысле разоблачения святош, но и в смысле критики примиренческого отношения к религии.

Упрекнуть писателя, мне кажется, можно в другом. Проблема, которую он разрешает, необычайно сложна. И происхождение, и психологическая почва, и причины цепкости религиозных предрассудков отдельных членов нашего общества — все это требует больших раздумий и учета многих обстоятельств. В двух-трех фразах, разумеется, невозможно дать такое решение. Но думается все-таки, что в повести этот сложный вопрос в некоторых случаях упрощен и схематизирован. Религиозность матери Родьки Варвары объясняется одним: страхом и бессилием вернуть мужа сперва с войны, а потом из города. В общем виде марксизм действительно полагает, что религиозное чувство порождено страхом и бессилием. Но это общее положение едва ли так элементарно можно прилагать к советским людям, уже почти полвека живущим в совершенно новых общественных условиях.

И при изображении попа встречаются неуместно «агитационные» фразы. Автор порой

слишком спешит подчеркнуть, что отец Дмитрий просто наживается на темноте верующих. Думается, что и здесь дело сложнее. В. Тендряков хотел, видимо, показать темную силу религиозности как нечто нивелирующее, делающее людей аморфными, безликими. Может быть, по этой причине схематичность ощущается и в некоторых других персонажах. А бабка Грачиха, например, превращается почти в аллегория тупого религиозного фанатизма. Ничего человеческого в ее отношении к дочери и внуку уже, кажется, не осталось. В жизни возможен, конечно, и такой вариант, но тогда возникает вопрос о причинах превращения простой русской крестьянки в изуверку. В повести на этот вопрос ответа не дается. Гротескность образа Грачихи вероятно была бы уместной в произведении другого плана, но, думается, это противоречит манере автора повести «Чудотворная».

Однако центральные образы — Родька, Парасковья Петровна — несомненный успех В. Тендрякова. Борьба Парасковьи Петровны против очень опасного в своей елейности и благоприличности отца Дмитрия, против дремучего фанатизма бабки Грачихи трудна (и хорошо, что автор не дает ее в облегченных тонах), но она завершается победой. В финале приоткрывается и перспектива событий, выходящих за пределы повествования. После того как Па-

расковья Петровна забирает под свой кров измученного Родьку, к ней заявляется поп, чтобы как-нибудь «уладить дело», отговорить учительницу от обращения в суд. Он встречает решительный отпор. Хорошо понимая действительную причину его просьбы, учительница говорит: «Значит, верно сказал мне вчера один человек, что огласка для вас, как солнечный свет кроту... Нет, отец Дмитрий, людского осуждения бояться только те, у кого нечиста совесть. Разрешите мне действовать по своему усмотрению». И мы легко представляем то, что не дописано в книге. Это будет суд не столько над самой бабкой Грачихой, сколько над религиозным фанатизмом, толкнувшим ее на преступление, над вдохновителем фанатиков, сеятелем лжи и мрака отцом Дмитрием.

Писатель горячо, гневно осудил религию, калечащую сознание людей, растлевающую душу ребенка. Вместе с тем он показал в своей повести, что даже и один человек, не равнодушный, а глубоко заинтересованный в судьбе подрастающего поколения, может сделать многое, что даже Родька, подросток, пионер, сопротивлялся гнилому воздействию религии и сумел не поддаться ему.

Во всем этом писатель раскрыл силу и превосходство советской, коммунистической идеологии, ее благородство и глубокую связь с народной почвой.